

Глава 10. Призрачная злоба

Свистел ледяной ветер, и дождевая изморозь висела в воздухе зыбким, призрачным саваном.

Цзинь Линьэр, по-юношески нечувствительный к холоду, бегал по лесу с расхристанным воротом и покрасневшимся носом. В растрепанных волосах запутались сухие травинки и семена — чистый лесной дикарь. Притащив Сунь Цинфэна за дом, он ткнул пальцем под крышу и восторженно закричал:

— Старший Сунь, гляди! Пчелы устроили гнездо прямо под нашей крышей! Давай его собьем, полакомимся медком!

Сунь Цинфэн лишь тяжело вздохнул:

— Это осиное гнездо.

— И меда там нет? — разочарованно протянул Цзинь Линьэр.

— Конечно есть.

Сунь Цинфэн шагнул вперед. Мальчишка попытался отпрянуть, но мужчина перехватил его за воротник и притянул к себе. Насупившись, он наклонился и принялся застегивать его куртку. Сдерживая свою нечеловеческую мощь, он едва ощутимо — сотой долей силы — щелкнул сорванца по красному носу:

— Обезьяна дикая.

Цзинь Линьэр так и прыснул, шутливо поклонился, картинно сложив руки, и пропел нараспев:

— Маленькая обезьянка приветствует Великого Мудреца Суня!

Сунь Цинфэн попытался изобразить праведный гнев, но малец лишь зажал рот ладошками, хитро сощурив глаза-полумесяцы. Сдавшись, мужчина вздохнул, снял с собственных плеч меховую оторочку и плотно, без лишних нежностей, укутал шею мальчишки:

— И как тебя до сих пор лихорадка не прибрала?

— А потому что у меня есть вот это! — Цзинь Линьэр с гордостью выставил вперед ладони в пухлых меховых рукавицах.

Сунь Цинфэн сшил их сам из заячьих шкурок, которые добыл на охоте. Сшиты они были

топорно — на одной рукавице красовалось четыре пальца, на другой все шесть, — зато мастер не пожалел ни меха, ни крепких ниток. Холодный ветер сквозь них не пробивался.

После Нового года Цзинь Линьэру должно было исполниться четырнадцать. Он уже вытянулся, макушкой доставая Сунь Цинфэну до ребер, и теперь они казались ближе друг к другу, чем когда-либо. Мальчик задрал голову, преданно глядя на своего защитника ясными глазами, в глубине которых отражалось суровое лицо мужчины.

Сунь Цинфэн отвернулся — ему не хотелось видеть собственное отражение в этом чистом зоре:

— Ты каждый божий день на рожон лезешь. И всё тебе мало?

На самом деле ни на какой рожон Цзинь Линьэр не лез. Он просто изводил Сунь Цинфэна своими проказами, раз за разом испытывая его безграничное терпение.

Впрочем, винить его не стоило. Он дурачился лишь оттого, что видел: Сунь Цинфэн томится от безделья, день ото дня становясь всё мрачнее и тише. Стоило тому застыть, глядя в пустоту, как в голове мальчика невольно всплывала горькая мысль:

«Старший Сунь запер себя в этой глуши только из-за меня. Я беглец, объявленный в розыск Альянсом боевых искусств, а он прячется в лесах, чтобы меня защитить. Он лишился целого мира ради меня».

Потому мальчик и считал своим долгом во что бы то ни стало расшевелить угрюмого воина.

Вот только в этих глухих, богом забытых краях развлечений было раз-два и обчелся.

Меряя всех по себе, Цзинь Линьэр полагал, что лучшая забава на свете — это совместные игры. Увы, Сунь Цинфэн отличался непрошибаемой ленью и задора не разделял. Разве нормальные люди, играя в прятки, забираются под кровать, на крышу или на ветку дерева в три сажени высотой, чтобы там преспокойно уснуть?

Тогда мальчик пошел другим путем и принялся подыскивать суровому защитнику «друзей». То подложит ему на щеку скользкую улитку, пока тот спит, то звонкую цикаду. Но Сунь Цинфэн подарков не ценил: каждый раз хмурился пуще прежнего и безжалостно выпроваживал живность восвояси.

До сих пор Цзинь Линьэр так и не разгадал, что же по душе его грозному патрону. Единственным существом, которое день за днем оставалось рядом и которое Сунь Цинфэн так и не вышвырнул вон, был сам мальчишка.

Осознав это, Линьэр одновременно и загрустил, и несказанно обрадовался. С «друзьями» было

покончено раз и навсегда. Теперь он сам мастерил широкие деревянные лежанки и постоянно крутился под ногами, стараясь примоститься поближе к мужчине. И в ходе этих бесконечных проверок мальчик понял: Сунь Цинфэн только с виду грозен, словно дикий рой, но внутри этого «гнезда» никаких ос нет и в помине.

Вспомнив об этом, Цзинь Линьэр забежал вперед, заглянул Сунь Цинфэну в лицо и звонко рассмеялся:

— Никакой ты не рой дикий. Ты просто большая домашняя кошка!

Сунь Цинфэн молча развернулся и зашагал в чашу, на ходу приглядывая подходящую ветку:

— Отойди подальше. Иначе распухнешь так, что родная мать не узнает.

Поняв, что дело принимает серьезный оборот, мальчик затряс головой, словно игрушечный бованчик:

— Ой, нет-нет, давай лучше не будем рисковать!

— Тоже мне, глава Дьявольского культа! — фыркнул Сунь Цинфэн, раздосадованный таким малодушием подопечного.

В нем тут же вскипел азарт: он твердо решил показать мальчишке, как нужно расправляться с препятствиями. Свистнув, он вышел из подлеска с длинным суком в руках.

Цзинь Линьэр искренне изумился:

— А что, все грозные главы культа обязаны уметь разорять гнезда?

Сунь Цинфэн снова запнулся на полуслове. Не найдясь с ответом, он лишь недовольно буркнул:

— Поменьше болтай. А ну, брысь под деревья.

Но Линьэр наотрез отказался бросать товарища в беде. Он упрямо пристроился сзади, обхватив мужчину за пояс и выглядывая прямо у него из-под мышки.

Сунь Цинфэн, скрывая улыбку, прикрыл голову мальчишки ладонью, а другой рукой резко ткнул палкой в гудящий шар.

Раздался глухой треск, гнездо шмякнулось на землю и мгновенно взорвалось черным, жужжащим облаком.

Разозленный рой волной хлынул на обидчиков.

Схватив мальчишку за руку, Сунь Цинфэн припустил прочь. На руки брать не стал — пускай на собственной шкуре прочувствует всю прелесть ребячества. Линьэр сперва перепугался до смерти, но вскоре страх сменился безудержным весельем. Он бежал, заливаясь звонким смехом, и Сунь Цинфэн, глядя на него, не выдержал и тоже беззлобно рассмеялся.

Они мчались во весь дух, пока разъяренные преследователи окончательно не отстали. Запыхавшись и едва переводя дух, беглецы без сил рухнули на плоский валун у самого источника Внимающего снегу.

Каменная плита лежала под сенью раскидистой вековой сосны, укрывавшей ее от дождей и снегопада. Поверхность валуна была сухой и усыпанной мягким слоем опавшей хвои.

Острые иголки щекотали кожу. Линьэр со смехом катался по камню, пока едва не соскользнул в ледяную воду — Сунь Цинфэн вовремя перехватил его поперек живота и втащил обратно. Недолго думая, мальчишка вскарабкался на своего спасителя и, устроившись на его широкой груди, словно на мягкой перине, мгновенно задремал.

Родник журчал, баюкая их своим несмолкающим бегом, уносившим секунды прочь — так же безвозвратно, как река уносит палую листву.

Моросил мелкий дождь. В туманной дымке, окутавшей горы, очертания скал и вековых деревьев казались размытыми, неверными. Ландшафт напоминал едва заверченный свиток туши — сырой, пахнувший свежей водой и сосновой смолой, где белизна тумана спорила с чернотой утесов, согретых дыханием спящих людей.

Мальчик спал безмятежно, и его темные ресницы, подрагивая во сне, ложились на бледную кожу Сунь Цинфэна. Они пересекали старый уродливый шрам на его груди, словно мягкий мазок кисти безвестного мастера, заживляющий и стирающий былые раны.

Мужчина легким движением ноги подцепил подол своего тяжелого плаща. Плотная ткань взмыла вверх, поймав струю ветра, и мягко опустилась на плечи спящего ребенка.

— Осы! — Линьэр внезапно распахнул глаза и подскочил, извиваясь, точно выброшенная на берег рыбина.

Сунь Цинфэн мигом утихомирил его, бесцеремонно сжав пальцами его щеки:

— Угомонись, глава культа. Неужто тебя какая-то мошкара до икоты напугала?

Мальчик потер сонные глаза, оглядел припорошенные свежим снегом ветки и со вздохом произнес:

— Жалко их... Мы ведь их дом сломали.

Сунь Цинфэн лишь закатил глаза:

— Покуда целы горы, дрова найдутся. Тебя самого родного угла лишили, а ты о каких-то осах печешься.

Линьэр прикинулся совсем сонным, потянулся и фамильярно потрепал Сунь Цинфэна за подбородок. Заметив, как в глазах того вспыхнуло опасное пламя, он поспешно затараторил, переводя тему:

— Старший Сунь, ты такой удивительный! Даже гнезда разорять умеешь. Кажется, для тебя вообще нет ничего невозможного. Расскажи, а чем ты занимался все эти два века?

— К векам двадцати я уже двенадцать лет как воевал на Белом море, — заговорил Сунь Цинфэн. Его взгляд устремился к заснеженным пикам, потемневшим от набегающих туч. — Когда дикари из Гуйфан в очередной раз пошли войной на государство Юн, они прорвали Границу Белого моря и осадили город Мона на горе Цинмин. Та крепость, где сидел наместник, теперь служит главным храмом нашего культа.

Он замолчал, и тень былой горечи легла на его лицо.

— Да и стоит ли ворошить прошлое... Почти две сотни лет пролетели как один бесконечный день. И всё это время со мной был лишь один верный спутник — меч Губитель душ.

— Жаль, что я не могу оставаться с тобой так же долго, как твой клинок, — негромко промолвил Линьэр.

Мужчина коротко усмехнулся:

— Видит бог, ты изводишь меня всего ничего, а мне кажется, будто я уже лет двадцать под пытками.

Мальчик посерьезнел и заглянул ему прямо в душу:

— Я правда тебе надоел?

Сунь Цинфэн неловко кашлянул, уходя от прямого ответа:

— Раньше, когда я затворничал на Белом море, время тянулось безлико. Год ли, век ли — всё едино. А теперь дни полетели так, точно их несет гонец с донесением особой важности. Гляжу

на то, как ты растешь, и чую, как старость подкрадывается. Наверное, дело в том, что срок нашего двухсотлетнего уговора подходит к концу. Мой час близок.

Он безразлично улыбнулся и легонько дунул Линьэру на подбородок, смахивая прилипшие хвоинки:

— Так что дело не в тебе.

В его глазах отражались неустанные, холодные струи лесного источника.

— А я... я могу не расти!

Мальчика вдруг захлестнула волна глухого, животного ужаса при мысли о том, что смерть заберет его защитника. Для подростка смерть казалась бездонным безмолвным провалом, от одного взгляда в который кружилась голова.

Он отчаянно принялся искать выход, цепляясь за любые соломинки:

— У нас ведь в погребе есть Верёвка, связывающая демонов, и Построение Покорности демонов! Каменная хижина — надежное убежище, мы можем оставаться здесь навечно. Этот бродячий монах, Ху Цзю... то есть Фу Сяо... Сестра Фу Цинчжи заберет его обратно в мир демонов, и нам больше ничто не будет грозить. А если не сможет, мы раздобудем Знамя призыва Инь-Ян и закроем тварь в ловушке до скончания веков! Я буду усердно тренироваться, и ты не постареешь. Я буду пить кровь... только кровь закоренелых мерзавцев! И тогда ты точно не умрешь!

Но чем больше он говорил, тем горше становилось на душе. Слезы хлынули, и решительный тон сменился детским плачем:

— Не хочу расти! Слышишь? Не хочу, чтобы ты старел! Не умирай, пожалуйста!

Его пылкая, отчаянная решимость напоминала упрямого богомола, восставшего против огромной повозки. Глупый, трогательный порыв, не знающий законов этого мира.

Горячие капли скапливались на ладони Сунь Цинфэна. Он ласково, но размашисто стер их, размазав по лицу подопечного:

— С Ху Цзю я разберусь сам. И запомни: даже если ты сам пожелаешь мне смерти, я не сдамся без боя.

Он прижал два пальца к золотистой метке на лбу мальчика:

— Пока я жив, даже посланники преисподней не посмеют забрать твою душу.

Линьэр шмыгнул носом:

— Правда?

Сунь Цинфэн невольно рассмеялся:

— Твой предок, великий главнокомандующий Чжао Хуань, держал в страхе всё Белое море. Пять поколений глав нашего культа бились с дикарями из Гуйфан и не ведали страха. А ты, шестой преемник, плачешь из-за пустяков? Мне вовсе не улыбается слушать твой рев на берегах мертвой реки.

Сквозь слезы Линьэр улыбнулся:

— Своей смерти я не боюсь. Я боюсь потерять тебя.

Впервые в жизни чье-то чужое сердце так пеклось о его судьбе — бережнее, чем он сам когда-либо заботился о себе. Сунь Цинфэн приподнялся, бережно вытер мокрое лицо мальчика. Его пальцы коснулись мягкой щеки, очертили линию бровей, и в груди шевельнулась глухая, щемящая нежность, заставившая его умерить свою обычную резкость.

Налетел ледяной порыв, и унылая морось в один миг обратилась густыми хлопьями белого снега.

Внезапно теплое чувство сменилось дикой, раздирающей судорогой. Старый рубец на груди Сунь Цинфэна запылал огнем, словно под ребрами заперли яростного зверя, рвущегося наружу.

Он мгновенно понял: эта боль — не вспышка нежности, а предвестник кошмара. Сила призрачной злобы пробудилась. Стиснув зубы и прижав ладонь к груди, он изо всех сил оттолкнул мальчика:

— Беги!.. Призрачная злоба берет верх!.. Уходи немедленно!

Но Линьэр, видя, как лицо Сунь Цинфэна искажается от нечеловеческой муки, а изнутри его тела доносится жуткий хруст ломающихся костей, оцепенел. Ноги его словно вросли в камень.

— Я спасу тебя! Только дождись!

Линьэр уже видел это безумие однажды и знал, что нужно делать. Не колеблясь ни мгновения,

он схватил свой верный клинок и вихрем понесся в чащу.

Оказавшись среди заснеженных деревьев, он заставил свою внутреннюю силу бурлить на пределе. Золотая метка у него на лбу ярко вспыхнула. Замерев со сжатой рукоятью, он вслушался в шорох падающего снега, резко распахнул глаза и выхватил меч из ножен.

Холодная сталь прочертила в полумраке дугу, и испуганный крик оборвался — на снег рухнула сраженная косуля.

Бросив окровавленный клинок, Линьэр вцепился в тяжелую тушу животного и поволок ее назад, к источнику. Рухнув на колени перед бьющимся в агонии зверем, он припал губами к рваной ране на шее, жадно глотая горячую, соленую кровь.

Его сотрясала крупная дрожь — точь-в-точь дикий волчонок на первой охоте. Напившись досыта, он уселся в позу созерцания, спешно направляя поглощенную жизненную силу по меридианам.

А Сунь Цинфэн уже полностью потерял контроль.

Как и в ту кошмарную ночь два года назад, его вены вздулись черными жгутами, а белки глаз залила багровая кровь. Но на сей раз проклятие терзало его с удвоенной силой. Пальцы скрючились, превращаясь в когтистые лапы с длинными, острыми ногтями. С диким рыком он метнулся к Линьэру, вцепился мертвой хваткой в его плечи и принялся шумно втягивать воздух у самого горла мальчика, готовый в любой миг разорвать плоть и выпустить жизнь.

Мужчина хрипел, его искаженное судорогой лицо напоминало жуткую маску демона. Собрав в кулак остатки угасающего разума, он превозмог жажду крови и изо всех сил отшвырнул от себя мальчика:

— Беги... прочь!..

От сильного удара Линьэр покатился по хвое. Потоки его ци смешались, изо рта брызнула темная кровь. Но вместо того чтобы спастись бегством, он упрямо поднялся на ноги, рванулся назад и намертво обнял бьющегося в судорогах воина:

— Старший Сунь, я не уйду! И ты меня не прогонишь! Будь ты человеком или призраком, демоном или чудовищем — мне плевать! Я останусь с тобой до конца!

Сунь Цинфэн в ярости мотал головой, зажмурив налитые кровью глаза:

— Уходи... глупец...

Но малец лишь сильнее сжал объятия:

— Нет! Я глава культа, и мое слово последнее!

Разум воина окончательно погрузился во тьму. Его когтистые пальцы рефлекторно сомкнулись на спине защищавшего его ребенка.

Острые когти с хрустом разорвали плотную ткань и глубоко вонзились в плоть, прочертив от правого бока до левой лопатки пять рваных, кровоточащих борозд.

Линьэр даже не пискнул. Стиснув зубы от жгучей боли, он лишь крепче прижался к плечу мужчины, шепча ему на ухо одно и то же: он здесь, он никуда не уйдет. Никогда.

Время словно замерло. Линьэр уже перестал чувствовать собственное тело, окоченев от ледяного ветра и потери крови, когда безумие наконец начало отступать. Дыхание Сунь Цинфэна выровнялось, а когтистая хватка ослабла.

Они так и остались лежать на холодном валуне у затихающего источника, тесно прижавшись друг к другу, пока тихий зимний снегопад медленно укрывал их плечи белым пушистым саваном.

<http://bllate.org/book/18425/1785124>